

Владимир Ваниев

О ГОДАХ В ДИПЛОМАТИИ
с долей сарказма

Владимир Ваниев

**О годах в дипломатии
с долей сарказма**

«Алисторус»

2020

УДК 82-84
ББК 84.3

Ваниев В. Е.

О годах в дипломатии с долей сарказма / В. Е. Ваниев —
«Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907255-79-1

В книгу вошли воспоминания советского и российского дипломата В.Е. Ваниева, проработавшего в системе МИД более 40 лет, о событиях, в которых приходилось участвовать и о людях, которых довелось повстречать на этом пути. Понятное дело, – указывает автор, – «описывать полно и подробно все, что происходило за время дипслужбы, не представляется возможным в силу существующих требований относительно неразглашения определенных сведений». Однако и без этого в книге много интересных подробностей о специфике работы, о встречах с интересными людьми – общественными деятелями, политиками, представителями искусства. Все многочисленные, короткие истории, рассказанные автором, изложены с юмором и сарказмом, нередко граничащими с эпатажем.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907255-79-1

© Ваниев В. Е., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Предисловие	6
Мат и диамат – оружие дипломата	8
Пагуошское движение и малахитовая шкатулка	9
Член политбюро	10
Сын полка Полански	11
Знакомство с культурой	12
Новое в соцреализме	13
Сталинский подарок	14
Дипломная работа	16
Ввод	17
Еще об одном вводе	18
Вот и практике конец	19
Повестка в райвоенкомат	20
Прощай, МГИМО, здравствуй, МИД	21
Советская реклама	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Ваниев

О годах в дипломатии с долей сарказма

© Ваниев В.Е., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

* * *

Предисловие

Друзьям, коллегам по работе

Прочитав первое издание моих воспоминаний, друзья и коллеги (которым, собственно, я их и посвятил) высказали ряд вопросов и замечаний, на которые я в пределах дозволенного постарался ответить в исправленной и дополненной версии книги. Большинство из вопросов сводилось к отсутствию разъяснений, что же все-таки произошло в Черногории и какую роковую роль сыграла в моей дипломатической карьере Л.К. Слиски.

Описывать полно и подробно все, что происходило за время более чем 40-летней дипслужбы, не представляется возможным в силу целого ряда существующих требований относительно неразглашения определенных сведений, в т. ч. о ведомственной принадлежности сотрудников заграничных учреждений.

Хотя, следует признать, в истории нашей дипломатии были случаи, когда эти требования почему-то не распространялись на некоторых ее представителей. Наиболее ярким примером стало творение А.Е. Бовина «Пять лет среди евреев и мидовцев», посвященное его пребыванию в качестве посла России в Израиле. В нем автор открытым текстом назвал и, прямо скажем, заложил всех так называемых соседей – «ближних» и «дальних». И ничего. Осталось только перефразировать известную реплику Косого – Савелия Крамарова из популярного фильма: «Кто-ж его посадит? Он же Бовин».

Впрочем, вся эта конспирация была на деле шита белыми нитками и представляла из себя секрет Полишинеля. Как рассказывал мне один мой коллега, работавший в сопосольстве в крупной азиатской стране, местному полицейскому, стоявшему на воротах, и наблюдавшему за выезжающими в город дипломатами – одни на раздолбанных экземплярах советского автопрома, другие – на новеньких Тойотах, не составляло большого труда понять кто есть ху (кто МИДюк, а кто «сосед»).

Роль же Л.К. Слиски в моей дипломатической судьбе заключалась в том, что она, с подачи моего боевого зама, настрочила донос на меня и вручила его лично министру Лаврову. Какие обвинения в мой адрес содержались в упомянутом навете (или извете) конкретно не знаю. Но, судя по откликам, меня пытались обвинить в отсутствии должной активности в деле восстановления русского кладбища в г. Герцог Нови (инициатором чего был не кто иной, как я сам), а также – чуть ли не в хищении выделяемых на это средств. Видимо, судили по себе.

Хотел бы в этой связи высказать смелое утверждение о том, что достоин внесения в Книгу рекордов Гиннеса как единственный российский дипломат, расходовавший свои личные средства на служебные цели. Когда надо было отправить в Белград на конкурс русскоязычных студенческих театров ребят из Черногории, у которых не было на это средств, я, не задумываясь, выделил им еври из своего кармана. А когда в школе им. Павле Ровинского с преподаванием на русском языке проходил аукцион написанных школьниками картин с целью сбора средств на ее ремонт, я купил, опять же за свой счет, одну из них. Все присутствовавшие при этом отметили (это отражено было и в прессе), что генконсул США, находившийся там же, ничего не купил.

Подобной благотворительностью занимался позднее и в Душанбе в отношении соотечественников, не скрою, в первую очередь земляков.

Кстати, упомянутый донос совпал по времени с позитивным откликом на мою деятельность от заместителя Председателя Совета Федерации России Светланы Орловой (до недавнего времени – губернатор Владимирской области), инспирированным, как я догадываюсь, одним из сенаторов, участвовавшим в референдуме по вопросу отделения от Сербии. Из достоверных источников до меня дошли сведения о том, что министр навал это противоречивой информа-

цией. В подобных случаях обычно принимаются решения, исходя из позитива. Однако первая из упомянутых дам была в то время грозой всего политического бомонда, о чем меня предупреждали перед ее приездами в Черногорию. Видимо этим и объясняется принятое в отношении меня решение.

Теперь насчет использования средств на восстановление русского кладбища. Первый транш, полученный от депутата Госдумы Л.Я. Симановского, я передал Александру Белякову, который открыл счет в банке, возглавил и завершил процесс восстановления кладбища. Своим сохранением этот некрополь обязан усилиям интернациональной бригады – инициировал осетин, деньги дал еврей, а всю работу возглавил и завершил русский. Я в свое время собирался посетить эти места и получил от А. Белякова заверения в готовности разместить и оказать содействие. Однако, пока я собирался, черногорские власти выслали его из страны. Последней каплей в их терпении оказалась информация о том, что А. Беляков – капитан 1 ранга в запасе. В последнее время проживал в Калининградской области. Он к тому же хороший художник.

Но это еще не все. В рамках проявления солидарности с Великобританией по делу Скрипалей Правительство Черногории отозвало решение на работу российского почетного консула в Черногории. Речь идет о моем друге Боро Джукиче. Вот тебе бабушка и Юрьев день.

Кстати, второй из фигурантов вышеупомянутой истории, которому особо благоволила дама из Саратова, ходатайствуя о продлении его пребывания в стране, где он активно содействовал ей в поиске недвижимости, а также занимался другими коммерческими проектами, вскоре также покинул Черногорию. Я ничего не разгласил? Я же не Бовин.

Еще одно замечание друзей, прочитавших первое издание – отсутствие политических оценок происходивших событий. Я такой задачи, собственно говоря, и не ставил. В своих воспоминаниях не претендовал на мемуарность, ограничиваясь зарисовками о встречах с разными, в т. ч. высокопоставленными людьми и событиях, в которых довелось участвовать.

Тем более, что мемуары – жанр весьма субъективного характера в плане видения и оценок происходящего. Красочный пример – оценки событий в Польше в 1980-е годы такими деятелями тех времен, как завсектором ЦК КПСС П.К. Костиков, генерал – лейтенант КГБ (резидент в Польше) В.Г. Павлов и замначальника 4-го Европейского управления МИД СССР Б.И. Поклад. При всех различиях в изложении происходившего – одна общая особенность, присущая авторам – никто кроме меня не понимал сути тех событий.

Так, Б.И. Поклад в своих воспоминаниях «На польском направлении», опубликованных в 2004 году, повествует о беседе с послом С.А. Пилотовичем, в ходе которой он поделился своими настораживающими оценками внутривосточной обстановки в Польше. Но посол, по его словам, не разделил этих оценок, сославшись при этом на то, что чуть ли не каждый день говорит по «ВЧ» с Леонидом Ильичем и тот все знает об этой обстановке. Вывод Б.И. Поклада: посол – наивный человек.

Позднее, когда Борис Иосифович выпустил книгу «Внешняя политика Польской Народной Республики», над текстом которой работал весь польский сектор, и защитил на ее основе диссертацию, его прозорливость, судя по всему, на этот раз подвела, поскольку страна с таким названием перестала существовать.

Кстати, история с разбором полетов и поиском виновных в произошедшем в Польше завершилась весьма печально. Как было принято тогда и остается актуальным сейчас, упомянутые поиски завершаются, как правило, нахождением крайнего или козла отпущения, коим был избран Станислав Антонович Пилотович. Будучи участником войны и человеком чести, он, по возвращению в Минск на унизительную должность в Совмине, набрался мужества и, как мне рассказывали, застрелился из собственного охотничьего ружья.

Очень жаль. Достойный был человек.

Но вернемся к первому изданию.

Мат и диамат – оружие дипломата

Так получилось, что свой первый дипломатический опыт я приобрел еще до окончания МГИМО, попав после четвертого курса на практику в Посольство СССР в Польше. В Варшаве я оказался совершенно случайно, ибо поначалу был распределен на практику в Советский комитет защиты мира. Это меня серьезно расстроило, особенно после того, как по пути на Красную площадь в рядах колонны первомайской демонстрации друзья, указав на одноэтажное строение сарайного типа, сказали:

– Это и есть твой СКЗМ.

Однако вскоре, абсолютно неожиданно, я был вызван к заведующему практикой института по фамилии Гончаров (как водится, из «бывших»), который объявил:

– Имеется предложение направить Вас на практику в Посольство СССР в Польше.

Эта новость меня серьезно озадачила, поскольку первым у меня был английский, а вторым – немецкий.

– А с каким языком? – робко спросил я.

Взглянув на меня поверх тонкой золотой оправы очков, завпрактикой со всей серьезностью в голосе заявил:

– С русским матерным. Поедешь?

Ничего не оставалось, как дать согласие, тем более что этим предметом я владел неплохо.

Незнание польского языка, как и можно, было ожидать, негативно проявилось сразу же по прибытию в Варшаву, где я более часа простоял на платформе вокзала «Варшава – Гданьска», ожидая встречающего из Посольства. Не дождавшись, я направился к зданию вокзала и обратился к сидящей в окошке с надписью «Informacja» девушке со своей проблемой, естественно, на русском. Сурово окинув меня взглядом, она сказала с сильным акцентом:

– Так не можно работать (с ударением на последний слог).

Как выяснилось, представитель Посольства приезжал, но не найдя меня (непонятно, как), дал объявление по радио и не дождавшись, уехал. Польшка в окошке, отчитав меня, все же позвонила в Посольство и за мной прислали машину с водителем-поляком, который и отвез меня в посольский жилдом на улице Литевской.

В ходе практики я усиленно занимался изучением польского языка с преподавателем – пани Ренатой, а также методом хождения в народ (посещение мест общепита). Это принесло заметные результаты и определило мою дальнейшую профессиональную деятельность.

Пагуошское движение и малахитовая шкатулка

В то же время пригодилось на практике мое знание английского языка, с чем и был связан мой первый дипломатический опыт высокого уровня. Пришлось, в частности, переводить беседу Посла СССР в ПНР А.Б. Аристова с американским миллионером и общественным деятелем, основателем Пагуошского движения сторонников мира Сайрусом Итоном.

Беседа состоялась на квартире Посла в здании Посольства и продолжалась более двух часов. С. Итона сопровождала его супруга – инвалид в кресле-каталке, весьма симпатичная, милая женщина. Перевод не составил особого труда (английская кафедра МГИМО!). Лишь в конце беседы, когда Посол преподнес супруге С. Итона парфюмерный набор «Малахитовая шкатулка», я запнулся, не зная, как по-английски малахит. Набравшись решимости, я обозвал подарок «Мэлэкайт бокс» и, вроде бы, не очень переврал.

В целом, с поставленной мне первой ответственной задачей я успешно справился. Это подтвердил и сопровождавший Итона его помощник. Прощаясь, он похлопал меня по плечу и озвучил свою оценку:

– You are a nice guy, in translating also.

Член политбюро

Участие в этой беседе стало моим первым близким знакомством с незаурядным человеком – бывшим членом Политбюро (в те времена – Президиума) ЦК КПСС А.Б. Аристовым, которого Н.С. Хрущев сослал в Польшу, как оказалось, на десять лет (с 1961 по 1971 гг.). Аверкий Борисович сыграл судьбоносную роль в моей жизни, за что я ему несказанно благодарен.

Не знаю, чем я ему так показался (как у Катаева в «Сыне полка»), но это была поистине отеческая забота. Заходя в Посольство и окидывая взглядом выстроившийся дипсостав, он подходил ко мне и, обняв за плечи, спрашивал:

– Ну что, Володя, тебя никто не обижает?

То же самое он спросил, встретив меня на 15 этаже МИДа (кадры), когда решалась судьба моего назначения на работу в Министерство. После этого зашел в нужный кабинет и вопрос был решен положительно.

Помнится еще одна его коронная фраза, часто обращаемая к старшему дипсоставу на оперативках:

– Советнички, советнички. Дорого мне обходятся ваши советы.

После Польши он был направлен Послом в Австрию, где, к сожалению, умер (скоропостижно скончался) в 1973 году сразу же после визита в Вену тогдашнего Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. Можно лишь догадываться, что стало причиной неожиданной смерти после встречи бывшего и настоящего партийно-государственных деятелей СССР.

Присутствуя на Новодевичьем кладбище по случаю открытия памятника на его могиле, мысленно поблагодарил его за все, что он сделал для меня.

Сын полка Полански

В свете вышеупомянутого Катаевского «Сына полка» не могу не воспроизвести историю, рассказанную мне коллегой по работе в Посольстве Борисом Родимовым. В середине семидесятых он присутствовал на творческом вечере в Варшаве уже ставшего светилом мировой кинематографии Романа Поланского. Повествуя о начале своего творческого пути, Полански упомянул о том, как исполнял заглавную роль в постановке повести Валентина Катаева «Сын полка» в Варшавском театре юного зрителя в 1948 году. Эти воспоминания присутствовавшая публика встретила дружным хохотом, если не сказать ржанием. Актер замолк, с недоумением глядя в зал. Он, судя по всему, не мог понять, что вызвало столь неожиданную для него реакцию. Проживший длительное время на Западе и имеющий еврейские корни, Полански видимо не знал, что русофобия в различных ее проявлениях – признак хорошего тона на его исторической полуродине.

Знакомство с культурой

План прохождения практики включал, в том числе, ознакомление с культурой жизнью страны пребывания. Что тогда давали в «Большом» («Театр вельки»), не помню, видимо что-то из Монюшки. Зато прочно запало в память посещение Государственного еврейского театра имени Каминьской. Постановка спектакля «Тевье молочник» Шолома Алейхема совпала с двумя знаменательными событиями – открытием нового здания театра и пятидесятилетием творчества его художественного руководителя Хевеля Бузгана. Поскольку Х. Бузган был гражданином СССР, постоянно проживающим в Польше, а у нас в приглашениях значилось «Ambasada ZSRR» (Посольство СССР), меня и атташе Посольства Юрия Седякина быстро разместили в первом ряду, согнав с насиженных мест двух пожилых евреев.

Приятной неожиданностью было то, что я почти все понимал без наушников с переводом, поскольку спектакль шел на идише (второй немецкий, как ни как).

После окончания спектакля на сцену вынесли треноподобное сооружение, на которое водрузили юбиляра и стали зачитывать поступившие из разных стран мира поздравительные телеграммы. Когда очередь дошла до депеши из СССР, Х. Бузган приложил ладонь к склоненной голове и, вроде как, всплакнул, не теряя при этом из виду представителей Советского Посольства. Вот уж действительно: «– Что наша жизнь? – Игра!»

Новое в соцреализме

Гораздо более популярным среди прибывающих из СССР товарищей было в то время посещение диковинного и недоступного у нас дома по морально-этическим соображениям представления под названием стриптиз, проникшего в социалистическую Польшу из загнивающего Запада. Мне рассказывали, что пионерами в этом деле среди братских стран были чехи, но поляки быстро перехватили эту творческую инициативу. Посмотреть это представление можно было в нескольких ресторанах Варшавы и некоторых других мегаполисах Польши, в первую очередь в «Конгрессовой» – в сталинской высотке в центре столицы.

Гостеприимные поляки включали эту изюминку в программы пребывания высоких советских делегаций, что, однако, не всегда проходило гладко. Был случай в Познани, куда на ежегодную международную ярмарку прибыла делегация во главе с одним из наших вице-премьеров. Когда, в знак особого расположения, местные товарищи пригласили вечером главу делегации с супругой на ужин в ресторан, где происходило это действо и оно началось, жена высокого гостя демонстративно покинула зал. Видимо, приверженность моральному кодексу строителя коммунизма не позволила ей быть свидетелем подобной непристойности.

Лично мне запомнился другой эпизод на эту тему. Однажды вечером, когда я с друзьями стоял неподалеку от торгового комплекса «Центрум», где также был ресторан со стрип-представлением, к нам подошла группа товарищей. Из одежды на них были черные плюшевые полуперденчики, сапоги и тубетейки, свидетельствовавшие о том, что гости прибыли из далекой Средней, или по – нынешнему – Центральной Азии. Из состоявшейся краткой беседы стало ясно, что весть о наличии в Польше подобного элемента буржуазного разложения долетела до отдаленных кишлаков и, не увидев его, возвращаться домой было бы крайне обидно.

Сталинский подарок

Упомянутая высотка в центре Варшавы – сталинский подарок жителям польской столицы – Дворец культуры и науки, возведенный советскими строителями в 1952–1955 гг. (архитектор Л.В. Руднев). Здание всегда мозолило глаза истым варшавянам, напоминая о том, кто освободил их от фашизма. Еще при социализме наиболее ярые патриоты шептались о том, что здание надо снести, обосновывая это тем, что оно довлеет над малоэтажным центром города. Никто в те времена на это, конечно, пойти не посмел, тем более что в нем размещалась масса учреждений и заведений, включая Польскую академию наук. А главное, что скажет на это восточный сосед?

Тогда в недрах польской архитектурной мысли родилась оригинальная идея уравнивать дворец равновысокими небоскребами, дабы он не царил над центром города. Первым из них стал отель Форум, построенный напротив Дворца с помощью шведов. Поскольку основной контингент его обитателей составляли интуристы, в основном из стран Запада, его сразу же облюбовали местные путаны. По этой причине в народе отель вскоре получил название самого большого курвьеца Варшавы (симбиоз курвы и курьеца). Причем по-польски это звучало нецензурно, хотя в русском языке употребление этого названия определенного типа девиц с низкой социальной ответственностью вполне допустимо.

Так, в одной из серий киноэпопеи «Освобождение» Юрия Озерова советский офицер в исполнении Виктора Авдюшко, разрывая гимнастерку на груди, бросает в лицо фашисту: «– Стреляй, немецкая курва!» В польском прокате титр с переводом, сопровождавший эту сцену, выглядел следующим образом: «– Стшеляй к... немецка!»

Но со временем ситуация в этом плане резко изменилась. На открытии 11-го фестиваля польских фильмов «Висла» в мае 2018 г. первой была показана лента «Лучше всех» Лукаша Пальковского о жизни молодого поколения поляком конца семидесятых. Первые десять минут фильма были насыщены таким количеством матерных выражений, среди которых «курва» было самым безобидным, что мы с Юрием Седякиным, выдержавшие в свое время еврейского молочника в Варшаве, покинули это торжественное мероприятие, потревожив при этом истинных фанатов польского кино. И это не ханжество, я и сам большой любитель крепкого словца. Но, как говорится, все хорошо в меру.

Возвратимся к сталинской высотке. Дворец в последующие годы был планомерно окружен небоскребами, но надо признать, не затерялся среди них.

Однако, идея сноса подарка не умерла. Ярослав Сикорский, будучи министром иностранных дел, заявлял, что поляки должны разрушить высотку в Варшаве, как немцы разрушили Берлинскую стену. Вот и делай после этого подарка полякам.

Кстати, о дублировании, а вернее титровании (если есть такое понятие) наших фильмов. В то же самое время в Польше демонстрировалась другая наша киноэпопея «Даурия». Там, в одном из эпизодов, атаман Елисей Каргин в исполнении великолепного Ефима Копеляна, реагируя на высказывание одного из казаков – «Сволочуга», одергивает его: «Ладно, не сволочись». Эта фраза в польском титре гласит: «Пшестань» (перестань). Передано достоверно и эмоционально (шутка).

Интересно, как дублировали другие наши фильмы, в частности, «Тихий Дон» (классический, а не урсулячью поделку) не только на польский, но и другие иноязыки. Например, такие фразы, как «люди гутарють», или «мы его в однорядь подсидим». Ну, первую, судя по всему – «reople say», а вот вторую, скорее всего, как в «Бриллиантовой руке» – непереводаемое идеоматическое выражение.

Вместе с тем, например, баллады Булата Окуджавы, крайне популярного в те годы в Польше, переводились и исполнялись весьма искусно и с любовью.

По местному телевидению в ту пору демонстрировался еще один советский сериал «Семнадцать мгновений весны», который не особенно тронул поляков – «замало акцы» (слишком мало действия). Конечно, на фоне подвигов майора Ганса Клоса из польского боевика «Ставка больше, чем жизнь» это так и выглядело.

Зато шукшинская «Калина красная» завоевала большое количество почитателей. Возникли даже клубы или кружки фанатов этого фильма. Когда я поинтересовался у нашего польского водителя Богдана, что его лично так тронуло в этой ленте, оказалось – заявление главного героя о нежелании строить коммунизм.

Надо признать, что трудности с переводом случались не только в кинематографе, но и в политической жизни. Поскольку у Польской Объединенной Рабочей Партии (ПОРП) был советский партнер – КПСС, Председатель Объединенной Крестьянской Партии (ОКП) Роман Малиновский запросил у Москвы контрагента и для себя. После долгих раздумий (у нас ведь была однопартийная система) на эту роль был назначен Роспотребсоюз. С целью установления сотрудничества председатель его правления прибыл в Варшаву, где провел переговоры, подписал документы, а на торжественном банкете по этому случаю выступил с пламенной речью, завершившейся популярной у нас в ту пору здравицей – «За нас с вами и ... с ними!» Несмотря на предпринятые переводчиками невероятные усилия смысл высказанного призыва так и не дошел до понимания Председателя ОКП. Трудности не только перевода, но и общественного сознания.

В отличие от нас в многопартийной Польше была еще и Демократическая Партия (ДП). Интересно, кого бы подобрали ей в партнеры в случае поступления такой просьбы? Возможно Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, члены которого носили на лацкане синий значок с белыми буквами ВОИР. Шутники расшифровывали эту аббревиатуру на свой лад: «Выпить охота – ищи рубль».

Дипломная работа

Одной из главных задач практики был сбор материалов для написания дипломной работы. В Варшаве мне предстояло, в соответствии с утвержденным планом, подготовить работу на тему польско-американских отношений. Но уже на месте оказалось, что более актуальной является тема польско-германских (ФРГ) отношений, получивших в тот период особый импульс. Их апогеем стал визит в Польшу в декабре 1970 года Канцлера ФРГ Вилли Брандта с его знаменитым коленопреклонением перед памятником жертвам восстания в Варшавском гетто. Самое при этом примечательное то, что дань, отданную евреям, поляки полностью приняли на свой счет и начали активно дружить с немцами.

Своевременно скорректировав тему диплома, я написал эту работу и по возвращении в Москву защитил ее. Честно говоря, защита дипломов в тот период, в отличие от госэкзаменов, носила достаточно формальный характер. Исключением из правил стала защита диплома нашим чешским однокурсником Миланом Швецом, озаглавившим свою работу «Альтернатива прагматизму».

Не припомню сейчас, как наш Милан дождался диплома, поскольку после летних каникул 1968 года, ознаменовавшихся известными событиями у него на родине, учившиеся вместе с нами с первого курса граждане ЧССР в Москву не возвратились. Но Милан – словак по национальности, как-то удержался и продолжал сохранять невозмутимый вид, постоянно жуя резинку и периодически повторяя свою любимую фразу «Шайссе лебен», которую тут же и переводил – «По...раная жизнь».

Мы с ним дружили, он бывал у меня дома. Прошло много лет, прежде чем мне довелось лицезреть его вновь, на этот раз по телевизору в секретариате заместителя Министра иностранных дел СССР И.П. Абоимова, помощником которого я был в 1989–1990 гг. Совершенно неожиданно я увидел на экране знакомое лицо и, прислушавшись к комментарию CNN, узнал, что советник-посланник Посольства ЧССР в Вашингтоне Милан Швец вступил в непримиримый конфликт с послом и попросил у американских властей политического убежища. Вот тебе и альтернатива прагматизму на практике. Не знаю, что с ним сейчас, может, занимает какой-либо пост в независимой (от Чехии) Словакии.

Ввод

Несколько замечаний в контексте упомянутых событий 1968 года со слов их непосредственного участника – моего родственника, в ту пору – капитана Советской Армии А. Фидарова, служившего в ГСВГ, где его рота была признана лучшей (была издана соответствующая брошюра).

С чехами, рассказывал он, была достигнута договоренность о том, что они откроют ворота на границе с Германией для прохода наших войск. Мой родственник был назначен первопроходцем на головном бронетранспортере после того, как другой офицер, представитель одной из союзных республик, видимо, побоявшись взять на себя столь почетную миссию, устроил самострел, прострелил кожу на боку.

Когда колонна подошла к границе, чешских пограничников на месте не оказалось. Разогнав БТР, капитан Фидаров расшиб шлагбаум и двинулся на Прагу. Толпы чехов, собравшихся вдоль дороги, агрессивно выражали свое негодование. Поскольку имелся приказ – огня не открывать, родственник изловчился отгонять их, согнув длинную гибкую металлическую антенну.

Части из ГСВГ были дислоцированы под Прагой, где уже находились прибывшие ранее из СССР подразделения Советской Армии. Им уже довелось не только пострелять, но и похозяйничать – полы в палатках были устланы роскошными коврами, явно позаимствованными из окрестных вилл – дач пражан.

Слушая рассказы родственника о пребывании в ЧССР с миротворческой миссией, я сопоставлял их с услышанным десятью годами ранее от отца, посещавшего эту страну во главе конноспортивной команды для участия в Пардубицком стипльчезе, победителем которого три года подряд был наш майор Прахов. По мнению отца, чехи уже тогда жили при коммунизме. Еще больше вопросов вызывала информация, подчерпнутая из брошюрок о коварных планах мирового империализма в отношении ЧССР, распространявшихся в ту пору в МГИМО.

Кстати, на этом международная деятельность моего родственника не закончилась. В конце семидесятых он в качестве начальника штаба группы советских военспецов (СВС) при ЗАПУ (Африканский союз народов Зимбабве) продолжил ее на территории Анголы. Эти события красочно описаны в книге «Воспоминания непосредственных участников и очевидцев гражданской войны в Анголе (Устная история забытых войн)» (Москва, Memories, 2009 г.).

Еще об одном вводе

В увязке с вышеописанным вводом войск припомнилась другая похожая акция, рассказанная и описанная моим отцом, которому также довелось стать первопроходцем в подобном деле. Речь идет о вступлении советских войск в Иран 25 августа 1941 года в соответствии со статьей 6-й Договора 1921 года.

Привожу с сокращениями описание этих событий, составленное отцом:

«Наш 128-й кавполк в составе 17-й горно-кавалерийской дивизии, перейдя границу, следовал в передовом отряде на Тегеран. Подошли к перевалу Саян-Гядук, когда с правой горы по нам открыли сильный огонь из стрелкового оружия. Я, конечно, пропахал землю, ведь в первый раз по мне открыли огонь. Вскоре за мной развернулся эскадрон сына адыгейского народа Шаова. Мы открыли огонь по окопам у подножья горы. Примерно через полчаса бой затих, аскеры удрали, мы взяли в плен 6 солдат, насчитали в окопах 12 трупов. Сами обошлись без потерь.

Когда мы сосредоточились у г. Решт, меня вызвали к генералу В.А. Гайдукову, который поставил задачу – взять взвод автоматчиков, проехать по городам Шахсевар, Ноушехр, связаться с губернатором и разоружить местное население во избежание неприятностей при прохождении частей нашей дивизии.

Прибыв в Шахсевар, остановились на площади, размышляя, как попасть к губернатору. Вдруг к нам подошел молодой человек и представился: «Я – Алексеев, торгпред СССР в Иране, чем могу помочь?»

Узнав о нашем задании, сказал, что хорошо знаком с губернатором и повел нас к нему. Губернатор, бывший полковник иранской армии Муззафари, принял нас в своей резиденции, выслушал наши условия – предупредить местное население о сдаче оружия и подписал соответствующий документ».

Привожу этот отрывок воспоминаний как пример военно-дипломатического взаимодействия, а также того, что советские граждане осуществляли в те времена заграничные поездки не только на танках, как в том анекдоте, но и на конях.

Вот и практике конец

Завершение практики было омрачено событиями на Балтийском побережье, расстрелом демонстрантов, сменой власти – вместо Владислава Гомулки пост Первого секретаря ЦК ПОРП занял Эдвард Герек.

Недавно по нашему телевидению демонстрировался документальный фильм о событиях того периода. В нем довольно достоверно показано происходившее тогда. Что же касается комментариев, то они, естественно, выдержаны в духе нового мышления. Как свидетель тех событий, могу сказать, что одну деталь точно переврали. Саундтреком (по-нынешнему) в фильме прозвучала известная песня Северина Краевского «Не спочнемы, ниж дойджемы...», которая, по словам авторов фильма, была, якобы своеобразным гимном восставших гданьских судостроителей. На самом деле песня эта вышла в свет лишь в 1978 году, когда я покидал Польшу после первой длительной командировки. Тогда же, в 1970 году звучали иные мотивы, поскольку революционные события без музыкального сопровождения не происходят.

Исполнялись, как сейчас называют, ремейки известных шлягеров. В частности, популярная песня «Разноцветные кибитки» получила новое звучание:

У нас веле и невеле, бо в сам раз
Ест милицья, майон палки, майон газ...

А в известной песенке военных лет «Секера, мотыка...» появились слова:

– И запажил се Кочолек (Станислав Кочолек был в ту пору первым секретарем Гданьского комитета ПОРП, а в начале 80-х прибыл послом в Москву. Кочолек – по-польски – котелок, который закипел).

Возвращаясь на поезде в Москву, имел возможность ознакомиться с еще одной стороной польского вокального творчества. Группа молодых людей, судя по всему, студентов, направлявшаяся в братский Советский Союз, до глубокой полночи, явно хорошенько заправившись, распевала пронизанные исторической ностальгией куплеты:

- Една бомба атомова и бенджемы знув у Львова.
- Львув, Львув, польске място.
- Една бомба, але сильна и бенджемы знув у Вильна.

Ничто не передает так достоверно настроение нации, как звучащая из глубины души песня.

В период правления Э. Герек наступила пора непродолжительной относительной стабильности и кое-какого изобилия, обеспеченного западными кредитами.

Вскоре мне предстояло очередное, на этот раз гораздо более длительное пребывание в Народной Польше.

Повестка в райвоенкомат

Однако этому предшествовало событие, едва не перечеркнувшее мою дальнейшую дипломатическую карьеру. В один прекрасный день я получил повестку из Черемушкинского райвоенкомата с предписанием явиться для прохождения медкомиссии и собеседования. Военкоматовский майор с летными петлицами, радостно улыбаясь, сообщил мне неожиданную новость – планами военного ведомства предусматривается привлечение меня на действительную службу в качестве военного переводчика с направлением для ее прохождения на Ближнем Востоке.

Почему-то припомнились намеки на эту тему со стороны преподавателя английского военного перевода полковника Муратова, выделявшего меня среди других студентов. Это выразалось, в том числе, в его обращении к нам: «– Ефанов, Шумский, Щербаков энд комрад Ваниев», – после чего ко мне прочно приклеилось погоняло «комрад».

Хотя усердие проявлял не только я. Так, упомянутый студент Ефанов, переводя штабной документ и дойдя до подписи «colonel White», завершил свой доклад словами: «– Подписал полковник Белый».

Экзамен по спецпереводу, как и госэкзамен по английскому, я сдал на отлично, хотя второй гос – научный коммунизм – на удовлетворительно. Видимо, уже тогда не питал особого доверия к планам партии.

Когда я доложил о вызове в военкомат институтскому кадровику, он лишь развел руками – против Минобороны не попрешь. При этом добавил, что мои выездные документы направлены в ЦК КПСС и единственное, что нам остается – ждать решения. Ожидать пришлось недолго – решение о направлении меня на работу в совпосольство в Польше состоялось раньше, чем меня забрили в армию. Когда я доложил об этом военкоматовскому майору, он воспринял это без прежней улыбки. Против решения ЦК КПСС тем более не попрешь.

Прощай, МГИМО, здравствуй, МИД

Покидая стены Альма-матер в 1971 году (Министр С.В. Лавров сделал это годом позже), припомнил некоторые эпизоды пребывания в них.

После окончания первого курса довелось поработать в составе студенческого стройотряда на возводимом в ту пору грандиозном объекте – Останкинской телебашне. Правда, наше участие в реализации этого проекта заключалось не в строительстве самой башни, а в укладке бетонных дорожек вокруг нее. Ребята, которые ездили в составе стройотрядов в Сибирь и другие отдаленные регионы нашей необъятной Родины, привозили неплохие деньги. Нам же за достаточно нелегкий труд – класть бетон при тридцатиградусной жаре – заплатили чисто символически – около тридцати рублей. Но на пиво хватило.

После второго курса пришлось принять участие в не менее ответственном деле – стать членом заградкордона на период вступительных экзаменов в МГИМО. Поскольку наш ВУЗ тогда был, и сейчас, впрочем, остается придворным заведением, и желающих поступить в него было более, чем предостаточно, главным образом из числа отпрысков высокопоставленных персон, сложилась следующая практика. Ректор МГИМО на период вступительных экзаменов брал отпуск и выезжал на заслуженный отдых подальше от столицы, наслаждаясь благами изоляции от внешнего мира, т. е. от настойчивых просьб о содействии в поступлении, поскольку мобильной связи тогда еще не было. Бразды правления на этот период, включая надзор за ходом вступительных экзаменов, доверялись проректору института.

Когда мы заступили на пост, этим уполномоченным был проректор по фамилии Пучков – человек взвешенный и спокойный, что было немаловажно с учетом стоявших перед ним задач. В наши обязанности, как нам доходчиво разъяснили старшие товарищи, входила одна главная задача – никого, несмотря ни на что, не впускать в помещения, где проходили приемные экзамены (в ту пору – в Николощеповском переулке, где сегодня размещается поликлиника МИД).

Назвать блокадой или осадой то, что творилось вокруг этого объекта, – ничего не сказать. Мы, второкурсники, но все еще салаги, старались изо всех сил выполнить доверенную нам задачу – не пущать. Легко сказать. Каких только удостоверений я не насмотрелся за период стояния в кордоне, самое скромное из них – генерала КГБ.

В одно из таких дежурств на входе в храм престижных перспектив к нам на пост подошла группа товарищей, попросившая пропустить к руководству. В соответствии с имеющимися указаниями разъяснили, что для этого требуется наличие спецпропусков. Уверенно улыбнувшись, лидер группы достал и сунул мне в лицо голубую книжицу размером с тогдашний паспорт, на обложке которой я различил вытесненный золотыми буквами текст «Летчик-космонавт СССР».

– А такое подойдет?

Это сегодня космонавтов пруд пруди, никто ни в лицо, ни по фамилии их не знает. Тогда это был всему народу известный и весьма почитаемый иконостас. Попросив подождать, я рванул в кабинет, занимаемый проректором, и доложил:

– Космонавт пришел!

– Который из них? – на удивление спокойно спросил проректор.

Слегка замаявшись, я предположил:

– По-моему, Быковский.

– Ну, ладно, хрен с ним, веди, – последовало указание, что я и сделал.

Советская реклама

Во время очередных летних каникул мне довелось вместе со своим однокурсником Андреем Жильцовым сопровождать группу молодых англичан, прибывших в СССР по линии Бюро международного молодежного туризма «Спутник». На подходе к Красной Площади руководитель группы, указав на лозунг, выложенный огромными буквами на крыше здания – «Да здравствует великий советский народ!», спросил меня:

– Что означает эта реклама?

– Вообще-то это не реклама, – ответил я и перевел лозунг:

– Long live great Soviet people!

Англичанина этот призыв крайне удивил.

– А зачем? В чем смысл?

Разъяснить смысл я не смог и поэтому ответил в соответствии с принципом «сам дурак»:

– Ну, у вас есть же что-то подобное: The King is dead. Long live the King.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.